

ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

№ 3 (116)
Март 2018 г.

Издание Иверского женского монастыря г. Выкса, Выксунская и Павловская епархия

♦ С 19 февраля по 7 апреля 2018 года — время Великого поста

СЛОВО ГЛАВЫ ВЫКСУНСКОЙ ЕПАРХИИ ЕПИСКОПА ВАРНАВЫ НА НАЧАЛО ПОСТА

Дорогие братия и сестры!

Наступает Великий пост — «прииде пост мати целомудрия». Это время покаяния, время подражания Спасителю в Его сорокадневном посте, в котором нуждаемся и мы с вами, потому что природа наша повреждена. Встретиться с Богом, вместить Его в свое сердце, чтобы Он был нашим братом, другом, безконечно любящим, милующим нас, можно постараться через пост, молитву, труд над своей душой, и через это сделать себя достойными сынами Бога и достойными вместить в себя Божественную благодать.

«Пост — это к небесам помост, а страстям нашим погост». Будем стараться соблюдать меру и в посте, потому что не все имеют такое здоровье, чтобы поститься строго по уставу, но кто может это вместить, да вместит.

Постараемся это время не терять даром, потому что пост проходит очень быстро — он идет всего сорок дней, и эти дни должны быть наполнены постоянной работой над собой. Это самое лучшее время, в которое мы можем что-то духовное совершить. В другое время это сделать гораздо сложнее.

Пост это время духовной солидарности всех православных христиан, поэтому наша усиленная молитва в пост поддерживает друг друга на этом тесном, тернистом, но радостном пути. Когда человек постится, когда он ограничивает себя, ум его становится более светлым, душа его становится более чистой, а чистая душа узрит Бога, о чем говорит Господь в Евангелии: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Помоги нам, Господи, пусть преподобная Мария Египетская и все святые, покровители постов, помогают нам в этом очень важном для нашего спасения деле!

Празднование Иверской иконы Божией Матери

Первый воскресный день Великого поста совпал с престольным праздником Выксунского Иверского женского монастыря. В этот день вспоминается обретение Иверской иконы Божией Матери на Святой горе Афон. Епископ Выксунский и Павловский Варнава возглавил в Успенском храме обители Божественную литургию святителя Василия Великого. Ему сослужили благочинный Выксунского округа протоиерей Дмитрий Колоколов и клирики монастыря.

На богослужении молились наследницы обители во главе с настоятельницей игуменией Антонией (Мироновой), настоятельница Дальне-Давыдовского монастыря игумения Руфины (Тарасенко), выксунские «Православные витязи», которые в этот день отмечают свой день рождения, сотрудники епархиального управления, многочисленные паломники и прихожане, среди которых было руководство агрофирмы «Металлург». После литургии был совершен молебен в честь праздника Торжества Православия.

По окончании молебна игумения Антония обратилась к правящему архиерею с приветственным словом и преподнесла в дар владыке заздравную просфору. В свою очередь архиепископ обратился к присутствующим в храме с проповедью.

Текст и фото пресс-службы Выксунской епархии

И.С. Шмелев

У СТАРЦА ВАРНАВЫ

К 30-летию со дня кончины старца Варнавы

17 февраля 1936 г. — по старому стилю, — исполняется 30 лет со дня кончины замечательного делателя духовного, которого знали и почитали миллионы людей в России, — «кутешителя и кормильчика», иеромонаха о. Варнавы, у Троице-Сергия, или, как называли его в народе, — «батюшки-отца Варнавы».

Я не могу писать о житии его, о высоком его подвижничестве: слишком мало я знаю об этом святом старце. О нем написана обстоятельная книга безыменного составителя, изданная «Иверской Обителью при селе Выксе». Я лишь позволю себе, в память его, рассказать то немногое, чему сам был свидетелем, что слышал от близких мне людей, и что имеет отношение ко мне. В безоглядное и безутешное наше время полезно оглядываться на прошлое, в котором забыто много чудесных людей и дел.

Еще в раннем детстве не раз я слышал, как говорили у нас в семье, когда надо было решать что-нибудь важное: «к Троице-Сергию надо съездить, что батюшка Варнава скажет». Этот неведомый «батюшка Варнава» мне представлялся похожим на нашего батюшку о. Виктора, от Казанской, где меня крестили, и мне казалось, что и «батюшка Варнава» тоже всех крестит — окунает в святую воду. Почему так казалось? Потому, должно быть, что с батюшкой о. Виктором в детской душе моей переплелись слова «батюшка» и «крестит — окунает». В притворе храма Казанской Божией Матери стояла жестяная купель, и няня говорила, что в этой вот «купельне» меня крестили, — «батюшка отец Виктор окунал». И еще во мне было странное сочетание: «Варнава» и «Варавва». Не только эти слова мешались, а и события путались: мне, младенцу, казалось, что разбойник Варавва, о котором говорится в Евангелии, — а я и в церкви слыхал про него, и дома рассказывали у нас, — и есть тот самый разбойник, который пожалел Господа на Кресте, и которому Господь сказал — «ныне будешь со Мною в раю». И вот, в воображении моем спуталось — «Варнава» и «Варавва», и в имени «Варнава» чудилось мне святое, райское. В детской душе бывают странные сочетания. Вот, к слову, вспомнилось: в раннем детстве, в словах — «чаю воскресения мертвых» казалось мне, что там, — в раю — тоже, как и у нас, празднуют воскресенье и всем умершим — и воскресшим — дают по воскресеньям... чай! и даже — с булочками! И так было это радостно! Милая детская наивность.

Словом, с «батюшкой Варнавой» во мне сочеталось светлое и святое. И —

жуткое. Откуда же это жуткое? А вот откуда. Мне казалось, что «батюшка Варнава» всё знает. Бог всё знает. А «батюшка Варнава» всегда при Боге, молится за всех грешников, всех утешает и — провидит. Потому-то к нему и ходят со всякими важными делами. Одна женщина повезла к нему свою дочку, перед свадьбой узнать, можно ли выдавать замуж за такого вот человека, и карточку показала. А батюшка Варнава поглядел на дочку и говорит: «а, Христова невеста!» И дал ей «Троицкий листочек», а на листочке была нарисована картинка, как апостол Петр тонет, а Христос ручку ему дает, и написано на листочке — 29 июня. Стали думать, что бы это могло значить. Решили, что к хорошему. Веру надо иметь, как Петр, и будет хорошо: апостол Петр поверил и Господь спас его. Не поняли сказанного батюшкой Варнавой: «а, Христова невеста!» И вот, что вышло. В самый Петров день, 29 июня, каталась та девица с женихом на пруду в Царицыне, на лодке, и с ними были гости. Стали местами меняться — лодка и опрокинулась, девица и утонула, «Христова невеста» стала. Этот случай так на меня подействовал, что я и теперь помню, будто это вчера случилось.

Вот это «жуткое», эта чудесная сила — знать, что будет, сочеталась во мне с именем — «батюшка Варнава». Даже когда я вырос и был студентом, рождалась во мне тревога, когда я думал о батюшке Варнаве: а вдруг он скажет?! Заглядывать в будущее страшно.

Помню, было мне лет пять-шесть. Меня еще не брали к Троице-Сергию, но старшие ездили туда каждый год. Как-то приехала матушка от Троицы. Была она у батюшки Варнавы, и он сказал ей: «а моему... имя мое назвал, — «крестик, крестик...» Это показалось знаменательным: раза три повторил, словно втолковывал, «чтобы запомнила», говорила матушка: «а моему... крестик, крестик!» Другим детям — кому образок, кому просвирку, а мне — «крестик, крестик». — «А тебе вот крестик велел, да всё повторял. Тяжелая тебе жизнь будет, к Богу прибегай!» — не раз говорила матушка. И мне делалось грустно и даже страшно. Сбылось ли это? Сбылось. Много крестов и крестиков выпало на долю многим. И мне выпал.

Эта история с крестиком повторилась, по новому осветилась в моей душе года через два-три, когда я ходил на богоявление к Сергию-Троице с нашим старичком — плотником Горкиным. Я описал ее в своей книге «Богомолье».

Но почему толковать этот «крестик» только как проявление страданий!

Страдания — земной человеческий удел. Страдания — испытания, «одержимые»: помни. Быть может, в этом «крестьике» было предвидение не только испытания? Теперь я знаю, что и это, как-будто было.

Не могу не вспомнить одной знаменательной встречи с батюшкой Варнавой. Эта встреча связана с началом писательской моей работы, с первой моей книгой «На скалах Валаама».

Это вышло совсем случайно. Написать книгу? Об этом я и не помышлял. Правда, мой первый рассказ только что появился в журнале «Русское Обозрение». Сам редактор, «друг Константина Леонтьева», жал мне руку, — «детская рука какая» и ободрял: «пишите, приносите». Но о писательстве я не думал. Писатели — это совсем особенные люди. Я разглядывал себя в зеркале и видел глаза, глядевшие так пугливо. Разве писатель может родиться в Замоскворечье, на шумном дворе, где только простой народ, где совсем не читали книги, где и книг «настоящих» не было, а только старенькое Евангелие, молитвенники, да на полках в чулане «Четыни-Минеи» прабабушки Устины? Напечатал выдуманный рассказ, а мне заплатили деньги. Стыдно было смотреть на Пушкина. И я скоро забыл об этом.

Тут подошло другое: я женился. Студент, юный из юных. Незнакомые спрашивали: «братец и сестрица будете?» А если бы узнали, что я — «писатель»?! И вот, мы решили отправиться в свадебное путешествие. Но — куда? Крым, Кавказ?. Манили леса Заволжья, вспоминалось «В лесах», Печерского. Я разглядывал карту России, и взгляд мой остановился на Севере. Петербург? Веяло холодком от Петербурга. Ладога, Валаамский монастырь?. туда поехать? От Церкви я уже шатнулся, был, если не безбожник, то никакой. Я с увлечением читал Бокля, Дарвина, Сеченева, Летурно... стопки брошюр с книжных прилавков на Моховой улице, где студенты требовали «о самых последних завоеваниях науки». Я питал ненасытную жажду «знать». И я многое узнавал, и это знание уводило меня от самого важного знания — от Источника Знания, от Церкви. И вот, в таком-то полуబожком настроении, да еще в радостном путешествии, в свадебном путешествии, меня потянуло... к монастырям! Потянуло в детство. Вспомнилась Троица, как ходили пешком, бывало... с Горкиным к Троице ходили.

И вот, перед Валаамом, — к Троице, «благословиться». Благословляться, студенту-то благословляться!. — стыдно. Но так надо. Помню, — конец июля.

Светлый-светлый день. В окно вагона — перелески, тропки, выбитые лаптами богомольцев. Бывало, с Горкиным ходили, шли по зорьке, молитвы пели, дремали в полдень в жарких елках. Милый Горкин, преставился, давно. Говорил, бывало: «благословиться надобно, косатик...» Ну, вот, благословимся. Сохранилась связь с Горкиным, с далеким прошлым: как и тогда, — батюшка Варнава, жив еще. Всё еще «на пещерках», у Черниговской, всё еще утешает.

И вот, прошлое, далекое, — вернулось. Знакомый дворик, у Черниговской. Сколько лет прошло... пятнадцать лет! А он такой же. И люди те же, бедные, родные, все — мои. Келейка, с крылечком, с тем же... когда-то поднималася по ступенькам, робкий, мальчик, боялся — «всё он знает, все грехи». Теперь — другой: студент, с «сестрицей», почти безбожник, никакой. Старые рябины, в грядьях. Толпа народа, вздохи, как и тогда, давно. Там вон стояла Домна Панферовна с Анютой, Анюта сорвала рябинку, Домна Панферовна отшлепала ее по ручкам. А тут, под елкой, мы с Горкиным. Всё та же елка, черная, густая, только повыше стала. Когда-то батюшка благословил меня: «а моему... — имя мое назвал — крестик, крестик». Дал из кармана крестик. Все

шептались: «иши, крестик ему выпал!» Теперь я знаю: выпал крестик. А тогда, в блеске, — не думалось.

Ждем долго. Говорят батюшка устал, не выйдет больше. Юные нетерпеливы: ну, что же, и без благословеня можно. И стало как-то посвободней на душе, а то пугало, «безбожника» пугало: вдруг, скажет что-нибудь такое... «испортит настроение!» Теперь не скажет, не увидим. Сейчас в Москву, на Николаевский вокзал, посмотрим Петербург, а там — на Ладогу, на Валаам... Мы хотим идти — и слышим оклик, знакомый оклик: эй, петербургские!.. На крылечке — он, отец Варнава, давний, и всё такой же, только побелел бородка. Смотрит на нас через толпу и манит: «эй, петербургские!..» «Сестрица» спрашивает, робко: «кто из Петербурга... батюшка зовет?» Нет никого из Петербурга. А он, так весело, на нас: «идите-ка!..» Мы удивлены, подходим нерешительно. На насглядят, дают дорогу. В Петербург мы... — будто и «петербургские». Как же он узнал?! Подходим. Бокль, Спенсер, Макс Штирнер... — всё забылось. Я как-будто прежний, маленький, ступаю робко... — «благословите, батюшка, на путь...» Думал ли я тогда, что путь — пойдет за Валаам, во всю Россию, за Россию? Не думал. А он? Он благословил — «на путь».

Смотрит внутрь, благословляет. Бледная рука, как та, в далеком детстве, что давала крестик. Дасти и теперь?.. — «А, милые... ну, живите с Господом». Смотрит на мой китель, студенческий, на золотые пуговицы с орлами... — «служишь где?» — Нет, учусь, учусь еще. Благословляет. Ничего не скажет? Надо уходить, ждут люди. Кладет мне на голову руку, раздумчиво так говорит: «превознесешься своим талантом». Всё. Во мне проходит робкой мыслью: «каким талантом... этим, писательским?» Страшно думать.

Валаам прошел виденьем: богомольцы, люди, плеск Ладоги, гранитные крестья, скиты, молчальники и схимонахи... кельи в глухих лесах, гагара — птица на глухом озерке, схимонах Сысои с гагарой — птицей... — «все во Христе, родимый... и гагара-птица во Христе...» — олени на дорогах, как свои... в полночный час за дверью — «время пению... молитве ча-а-ас!..» — блеск белоснежный Храма, лазурь и золото под небом, над лесами, жития... — и написалась книга, путь открылся. Батюшка Варнава благословил «на путь». Дал крестик и благословил. Крестик — и страдания, и радость. Так и верю.

Январь 1936 г. Париж.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ 40 МУЧЕНИКОВ СЕВАСТИЙСКИХ (22 марта)

В 313 году святой Константин Великий издал указ, согласно которому христианам разрешалась свобода вероисповедания и они уравнивались в правах с язычниками. Но его соправитель Ликиний был убежденным язычником и в своей части империи решил искоренить христианство, которое значительно распространилось там. Ликиний готовился к войне против Константина и, боясь измены, решил очистить от христиан свое войско.

В то время в армянском городе Севастии одним из военачальников был Агриколай, ревностный сторонник язычества. Под его началом была дружина из сорока каппадокийцев, храбрых воинов, которые вышли победителями из многих сражений. Все они были христианами. Когда воины отказались принести жертву языческим богам, Агриколай заключил их в темницу. Воины предались усердной молитве и однажды ночью услышали глас: «Претерпевший до конца, тот спасен будет».

На следующее утро воинов вновь привели к Агриколаю. На этот раз язычник пустил в ход лесть. Он стал восхвалять их мужество, молодость и силу и снова предложил им отречься от Христа и тем снискать себе честь и расположение самого императора. Снова услышав отказ, Агриколай велел заковать воинов. Однако старший из них, Кирион, сказал: «Император не давал тебе права налагать на нас оковы». Агриколай смущился и приказал отвести воинов в темницу без оков.

Через семь дней в Севастию прибыл знатный сановник Лисий и устроил суд над

воинами. Святые твердо отвечали: «Возьми не только наше воинское звание, но и жизни наши, для нас нет ничего дороже Христа Бога». Тогда Лисий велел побить мучеников камнями. Но камни летели мимо цели; камень, брошенный Лисием, попал в лицо Агриколаю. Мучители поняли, что святых ограждает какая-то невидимая сила. В темнице воины провели ночь в молитве и снова услышали утешающий их голос Господа: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет. Дерзайте и не страшитесь, ибо восприимете венцы нетленные».

На следующий день суд и допрос перед мучителем повторился, воины же остались непреклонны.

Стояла зима, был сильный мороз. Святых воинов раздели, повели к озеру, находившемуся недалеко от города, и поставили под стражей на льду на всю ночь. Чтобы сломить волю мучеников, неподалеку на берегу растопили баню. В первом часу ночи, когда холод стал нестерпимым, один из воинов не выдержал и бросился бегом к бане, но едва он переступил порог, как упал замертво. В третьем часу ночи Господь послал отраду мученикам: неожиданно стало светло, лед растаял, и вода в озере стала теплой. Все стражники спали, бодрствовал только один по имени Аглай.

Взглянув на озеро, он увидел, что над головой каждого мученика появился светлый венец. Аглай насчитал тридцать девять венцов и понял, что бежавший воин лишился своего венца. Тогда Аглай разбудил остальных стражников, сбросил с себя

одежду и сказал им: «И я — христианин!» — и присоединился к мученикам. Стоя в воде, он молился: «Господи Боже, я верую в Тебя, в Которого эти воины веруют. Присоедини меня к ним, да сподоблюсь пострадать с Твоими рабами».

Наутро истязатели с удивлением увидели, что мученики живы, а их стражник Аглай вместе с ними прославляет Христа. Тогда воинов вывели из воды и перебили им голени. Во время этой мучительной казни мать самого юного из воинов, Мелитона, убеждала сына не страшиться и претерпеть все до конца. Тела мучеников положили на колесницы и повезли на сожжение. Юный Мелитон еще дышал, и его оставили лежать на земле. Тогда мать подняла сына и на своих плечах понесла его вслед за колесницей. Когда Мелитон испустил последний вздох, мать положила его на колесницу рядом с телами его святых сподвижников. Тела святых были сожжены на костре, а обуглившиеся кости брошены в воду, чтобы христиане не собирали их.

Спустя три дня мученики явились во сне блаженному Петру, епископу Севастийскому, и повелели ему предать погребению их останки. Епископ с несколькими клириками ночью собрал останки славных мучеников и с честью похоронил их.

Настольная книга священнослужителя. Т. 3

В этом году служба 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся, переносится на 20 марта.

Детская страничка

Е. Опочин

(Окончание. Начало в №2 (115))

С большим трудом поднялась она на берег и, скрючившись, присела на помосте житницы. Смертельный холод охватил все тело девочки, — она чувствовала, что умирает...

Вдруг послышались голоса, и кучка баб во главе с теткой Мариной бросилась к ней. Девочка устало подняла на них глаза, видимо, плохо сознавая, зачем она здесь.

— Встань, Пашка! Пойдем в избу! Ишь ты, застыла, сердешная! — с трудом подымая девочку с помоста, говорила тетка Марина. — Спасибо тебе за Мишутку. Кабы не ты — не видать бы ему света белого.

Пашку привели в избу, переодели в сухое платье и уложили на печи. Приятная теплота охватила назябшееся тело девочки, и она стала забываться. Она не слышала слов горячей благодарности вернувшегося Сидора, не видела виноватых взглядов, какие кидал на нее Мишутка, не замечала забот тетки Марины, еще вчера отколовшей ее и выгнавшей, несмотря на темную ночь, на улицу; ничего не замечала бедная Пашка. Злой недуг, долго стороживший ее, настиг и захватил в свои цепкие лапы.

Всю ночь прометалась девочка в жару. Образы былого, пережитого окружили ее со всех сторон. То ей грезилась давно позабытая мать, трехлетним ребенком подкинувшая ее в овин, отчего ребятишки и дразнили ее «Пашка-овин», то бабка Акулина, приревшая ее, то толпа злых мальчишек, издевавшихся над ее сиротством и беспомощностью. Точно затравленный зверок, пряталась она от деревенской детворы, ни в ком не встречая ласки. «Подкидыши, Пашка-овин, Пашка-дуря, пошла прочь!» — слышала она со всех сторон.

И привыкла девочка дальше уходить от людей, хорониться от них в лесу или в поле, в густой траве. Там она отыхала душой, там плакала от незаслуженных обид. Темному лесу, быстрой речке, ветру буйному поверяла она свое горе; у них искала она утешения.

Пока была жива бабка Акулина, Пашка еще жила с грехом пополам, а как умерла старушка и никто не захотел ее взять, пошла девочка мыкать горе по белу свету. Где день, где ночь; где сжался и на не-

СИРОТКА

дельку оставляют, накормят и кое-чем прикрыть тело дадут.

Так и жила Пашка из года в год, и вот сравнялось ей тринадцать лет. Прекрасные глаза девочки от постоянной травли приобрели дикое выражение, и народ, падкий на разные прозвища, окрестил ее «Пашкой-дурой». И пошла с этим именем девочка скитаться по деревням.

Любовь к свободе овладела всем ее существом; она нигде не могла прожить долго. Поживет день, два, отдохнет — на третий выйдет на улицу, оглянется на все четыре стороны и пойдет туда, где ей приглянется.

— Ну, навязала я себе обузу на шею, ворчала тетка Марина. — Вторую неделю валяется, тоже за ней ходить надо...

— Молчи! — грозно прикрикнул на жену Сидор. — Креста на тебе нету... Из-за кого она, голубушка, мается? Из-за нашего парнишки! Себя не пожалела, вытащила его. Э-э-х, сердца-то у тебя, знать, нет; ведь сиротинка она!

Сидор осторожно подходил к полатям, где лежала Пашка, и ласково звал ее, но девочка ничего не слышала. Ее исстрадавшееся тело было еще здесь, а душа летала далеко...

— Болезная ты моя! — приговаривал Сидор, стараясь смягчить свой грубый голос. Худо тебе?

В ответ ему слышался, сухой кашель и стоны Пашки.

Мишутка словно переродился со временем своего падения в реку.

Несмотря на все упрашивания товарищей выйти погулять, он целые дни сидел дома. О чем думал мальчик, никто не знал, только мать не раз подмечала, как он украдкой вытирал слезы.

— Слыши, жена! — обратился однажды к Марине Сидор. — Надо бы за батюшкой съездить, — не выжить Пашутке...

Мишутка вскрикнул и, закрыв лицо руками, выбежал из избы.

— Ишь, и ему жалко, — а ты ровно старай каменный...

Марина отвернулась. Слова мужа задели ее. Вспомнила она, как таскала за волосы Пашутку, как выгнала ее...

В эту минуту девочка жалобно простонала, словно умоляя о помощи. Какая-то теплая волна охватила суровое сердце Марины, она кинулась к полатям, припала лицом к исхудальным рукам Пашки и запрыдала.

— Так-то ладней будет, — проговорил Сидор и вышел.

Немного времени спустя он уже уехал на погост за старым батюшкой, отцом Иваном.

Тем временем Марина с помощью баб обрядила девочку во все чистое. Бабы, в ожидании священника, перешептывались и с удивлением глядели на больную. Лицо девочки вдруг словно преобразилось: дикое выражение ее глаз сменилось каким-то мягким, светлым...

Приехал батюшка и, выслав всех из избы, стал напутствовать больную. Когда все вернулись в избу, он торопливо отер платком глаза и уехал...

В ночь Пашки не стало. Никто не видел, как она ушла от этого мира...

Точно родную дочь оплакивали ее Сидор с Мариной, а Мишутка плакал на взрыд.

Сколотил Сидор из чистых сосновых досок домовище, бабы обрядили девочку, и на другой день печальная процессия потянулась к погосту.

За гробом, который мужики несли на руках, шла вся деревня от мала до велика. Отпели Пашку, и мужики только взялись за гроб, чтобы нести его на кладбище, как вышел отец Иван и проникающим в душу голосом произнес:

— Братия! Нет больше той любви, кто за други своя положит душу свою...

И стал разбирать отец Иван всю жизнь умершей.

И открылись у всех глаза, ужаснулись люди, что могли быть так злы; громкие рыдания огласили церковь.

Громче всех рыдал Мишутка. С какой бы радостью он вернул Пашку, как любил бы он ее — никому бы не дал в обиду!

— Братья, — говорил отец Иван, — эта девочка, так много терпевшая в жизни, исполнила величайшую заповедь Господа нашего Иисуса Христа. Последуем и мы ее примеру! Возлюбим друг друга!

Он умолк, а в церкви долго еще раздавались рыдания.

С плачем понесли сосновый гробик на кладбище, с плачем опустили его в землю. Быстро вырос свежий песчаный холмик... Вольный ветер с полей, быть может, снесет с годами песок с могилы бедной Пашки и срывает ее с землей, но в сердцах людей еще долго будет жить о ней память... Там подвиг ее короткой жизни оставил глубокий след.

Редакционная коллегия:

и игумения Антония - настоятельница Иверского женского монастыря; монахиня Мариамна, посл. Татиана, И. Мурзинова.

По всем вопросам просим обращаться по адресу: 607060, г. Выкса Нижегородской обл., ул. Краснофлотская, 58.

Контактные телефоны: 6-06-14; 3-22-41. "Листок" сверстан и отпечатан в ООО "Полиграфист". Заказ 23179, тираж 999